

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

РЕГУЛИРУЕТ ЛИ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ? (Часть 1)

*Б.И. Нефёдов**

Аннотация. Возникновение и бесплодность научных споров по большинству наиболее дискутируемых в научной литературе фундаментальных проблем общей теории международного права связано с одним и тем же – нерешенностью сложнейшей теоретической задачи, которую можно смело назвать основной проблемой теории международного права последних полутора столетий. В ее основе лежат, казалось бы, непримиримые противоречия. Так, с одной стороны, международно-правовые нормы могут (при определенных условиях) регулировать отношения с участием индивидов. Но, с другой стороны, индивиды не являются субъектами международного права, а отношения с их участием не являются международными межгосударственными отношениями, т.е. предметом международного права. В первой части статьи дается критика основных направлений предпринятых в науке попыток решить эту проблему. Во второй части - предлагается ее решение.

Ключевые слова: теории трансформации; международная правосубъектность индивидов; международные правоотношения; предмет и объект международного договора.

К числу дискутируемых в последние десятилетия (причем как в отечественной, так и зарубежной научной литературе) фундаментальных проблем теории общего международного права можно отнести такие вопросы как: понятие предмета регулирования международного права; соотношение международного

и внутригосударственного права; понятие и существование самоисполнимых норм международных договоров; существование международной правосубъектности индивидов; правовая природа и виды источников международного частного права и других подобных образований; формирование третьих по типу правовых систем и др.

.....
* Нефёдов Борис Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. boris-nefedov@mail.ru.

По нашему мнению, возникновение и бесплодность научных споров по всем этим проблемам связано с одним и тем же – отсутствием разрешения сложнейшей теоретической задачи, которую можно смело отнести к *основным проблемам теории общего международного права*.

Сформулируем основные условия этой научной головоломки. Дано:

1. Существует только два типа права (международное право и национальное право отдельных государств), которым соответствуют два типа регулируемых ими отношений – международные отношения и внутригосударственные отношения. Отсюда следует вывод: какова природа регулирующих данные отношения норм права – таковы и правоотношения, а, следовательно, субъекты правоотношений, субъекты права и т. д.

2. Международно-правовые нормы могут (при определенных условиях) непосредственно регулировать общественные отношения с участием индивидов (физических и юридических лиц).

3. Общественные отношения с участием индивидов не являются международными межгосударственными отношениями и потому они не входят в предмет правового регулирования международного права.

4. Субъекты международного права должны отвечать определенным качественным характеристикам, которым индивиды не отвечают. Кроме того, индивиды не являются субъектами международных межгосударственных отношений. Отсюда следует, что индивиды не являются субъектами международного права.

5. Общественные отношения с участием индивидов, осложненные иностранным элементом, урегулированные, в том числе, международно-правовыми нормами, являются предметом регулирования международного частного права (МЧП) и других подобных образований.

Нетрудно заметить, что эти подходы, отражающие, казалось бы, устоявшиеся взгляды на правовые явления, вступают друг с другом в непримиримые противоречия. Если международно-правовые нормы непосредственно регулируют отношения с участием индивидов, значит, такие отноше-

ния являются предметом правового регулирования международного права. Раз такие нормы наделяют индивидов, как субъектов регулируемых отношений, правами и обязанностями, то, следовательно, эти индивиды являются субъектами международных правоотношений, а, значит, и субъектами международного права. Но индивиды не являются субъектами, а общественные отношения с их участием – предметом правового регулирования международного права. Где же ошибка?

Её искали везде. В результате этих поисков возникли:

1. Теории «трансформации», общим для которых было стремление доказать, что международно-правовые нормы ни при каких условиях не могут непосредственно регулировать общественные отношения с участием индивидов. Для этого они должны быть «трансформированы» во внутригосударственные нормы.

2. Концепции признания отношений с участием индивидов, урегулированных международно-правовыми нормами, международными правоотношениями.

3. Концепции международной правосубъектности индивидов, в рамках которых отстаивалась возможность непосредственного регулирования международно-правовыми нормами общественных отношений с участием индивидов. При этом часто международная правосубъектность физических и юридических лиц объявлялась ограниченной, неполной, производной и т. п.

4. Наконец, было поставлено под сомнение само существование МЧП и других аналогичных правовых образований.

Удалось ли при этом разрешить основную проблему теории общего международного права? Думается, что нет. И в первой части нашей статьи мы как раз и остановимся на критике принципиальных положений тех концепций, что были выдвинуты в науке с целью разрешения указанной Основной проблемы за счет ревизии отдельных условий отправных тезисов научной задачи.

Теория трансформации.

Позиции сторонников теории трансформации крайне разнообразны, но в ка-

честве общего подхода можно привести слова проф. Лукашук И.И.: «только в том случае, если предписания международного права будут тем или иным путем оформлены в виде норм внутреннего права, они смогут регулировать внутригосударственные общественные отношения» [Лукашук, 1979, с. 9].

Основным «слабым звеном» этих концепций является то, что все они так и не смогли ответить на вопрос о том, где же «прячутся» эти трансформированные нормы национального права, где их источники?

Поэтому вряд ли можно признать убедительным объяснение сложившейся ситуации проф. Черниченко С.В., который пишет: «Просто во внутригосударственной сфере появляются в результате «переадресовки» правила, внешне повторяющие гипотезы и диспозиции международно-правовых норм, но уже применительно к субъектам внутригосударственного права» [Черниченко, 2007, с. 106-107]. При этом, по его мнению, «происходит завуалированное нормотворчество на внутригосударственном уровне. Вместе с тем законодательство остается без изменения...» [Черниченко, 2009, с. 31].

Но если национальное законодательство остается без изменений, то каким образом у самоисполнимых международно-правовых норм появляются «двойники» в виде норм национального права? Где же найти «во внутригосударственном праве» эти самые национальные нормы, «внешне похожие» на международно-правовые нормы (пусть даже их сходство не полное) и формы их официального бытия? Их нет. Было бы неплохо прояснить ситуацию и с тем, что кто-то у нас, помимо государства, занимается «завуалированным нормотворчеством на внутригосударственном уровне»? Может быть, это сторонники теории трансформации?

Понятно, что подобная «фантомная» теория преобразования международно-правовых норм в нормы национального права не отвечает истинному положению вещей.

Не находя вразумительных объяснений сложившейся ситуации, в отечественной доктрине некоторые наши отечественные сторонники теории трансформации обрати-

лась к исследованиям зарубежных авторов. Ведь не только Россия, но и многие иные государства признают возможность непосредственного применения международно-правовых норм [Лукашук, 2002, № 3; Cassese, 2005, p.224-237; Denza, 2006, p.429-435; Verhoeven, 2000, p. 453-484; Verma, 2004, p.54-68]. А раз так, то вопрос о трансформации самоисполнимых международно-правовых норм может существовать и там, а, значит, может иметь место и объяснение указанного парадокса.

Прямых аналогов не нашлось, но в результате поисков была обнаружена теория А. Ботиффолья и П. Лагарде, которая, казалось бы, объясняла возникновение «национальных норм». Правда, применительно вовсе не к нормам международных договоров, а к «трансформированным» нормам иностранного права, но в целом в схожей ситуации.

В основе позиции А. Ботиффолья и П. Лагарде [Batiffol, Lagarde, 1993, pp. 206, 529-530] лежит идея о том, что в регулирующей отношении «новой» норме объединяются два элемента: рациональный, содержащийся в норме иностранного права, и императивный, содержащийся в отечественной коллизионной норме.

Взяв ее за основу, представители теории трансформации, как они считают, решили стоящую перед ними проблему следующим образом. Никаких самостоятельных отечественных формулировок «трансформированных» международно-правовых норм (и их национальных источников) не существует в силу их сложносистемного состава, в рамках которого отсылка – это форма «новой нормы», а норма международного договора – ее содержание. По их мнению, «в результате взаимодействия отсылки и нормы международного права создается норма отечественного права, одни элементы которой образованы отсылкой, а другие – нормой международного права. Обязательность данной нормы определяется волеизъявлением одного государства, обязательность же лежащей в ее основе нормы международного права определяется волеизъявлениями нескольких государств» [Толстых, 2009, с. 212]. При этом отсылка – это

императивный элемент, а норма международного договора – элемент рациональный.

Ну и дальше уже не обращается внимания на нелепицы: «В процессе трансформации меняется источник обязательности нормы международного права (императивный элемент) и ее логическая структура (рациональный элемент). Образующая на основе нормы международного права норма внутригосударственного права адресована иным субъектам, снабжена иной санкцией, реализуется в рамках иных процессуальных механизмов» [Толстых, 2009, с. 212]. Не будем говорить о том, что источник права и источник обязательности правовой нормы вещи разные. Но все же, где источник «новой» правовой нормы? Его как не было, так и нет. В чем именно заключается «изменение логической структуры» международно-правовой нормы, если ее текст не изменился? Каким образом произошла переадресация «новой» нормы, изменение ее санкции и процессуальных механизмов ее реализации, если самоисполнимая норма сразу адресуется индивидам, у нее нет никаких двух санкций, и реализуется она в рамках тех же процессуальных механизмов, что и были обозначены при ее принятии?

Не будем придирааться к тому, что та часть этой «новой» нормы, что является нормой международного договора (рациональный элемент), получается, не может носить императивный характер, а отсылка (императивный элемент) не может быть рациональной? Допустим, что это – результат неизбежной погрешности в терминологии. Но что это вообще за рациональный и императивный элементы правовой нормы? Из теории известно, что норма права состоит из гипотезы, диспозиции и санкции и что понятие нормы права не совпадает с понятием статьи закона. В результате отдельные элементы нормы права могут оказаться в разных статьях и даже в разных нормативно-правовых актах. Других элементов правовой нормы теория не знает. Но речь явно не о них, ведь «новая» норма формируется не из части норм, а, как правило, из трех самостоятельных норм разных систем права, каждая из которых имеет собственные и гипотезу (объем), и диспозицию (привязку),

и санкцию. Причем норм, участвующих в регулировании данного общественного отношения может оказаться (в силу коллизионных международно-правовых норм, отсылок к законодательству третьего государства, обратных отсылок и др.) значительно больше. Как же при формировании «новой» нормы все-таки разобраться с ее гипотезой, диспозицией и санкцией, если структура всех норм ее составляющих сохраняется?

Нормотворческий процесс не может уподобиться конструктору LEGO (от дат. *Leg-godt* — «игра, удовольствие»), где каждый индивид, играючи и получая удовольствие, «собирает» новые нормы права из множества отдельных элементов материальных и коллизионных норм, относящихся к разным типам правовых систем и зачастую вступающих в коллизии друг с другом. Тем более, что при этом неизбежно останется «ведро лишних деталей», с которыми непонятно что делать. Как же в этих условиях определить принадлежности этой «сконструированной» нормы к отечественному праву, если в каждом элементе «новой» нормы присутствует составляющие от международно-правовой нормы и/или от иностранной правовой нормы? Если отсылка – это императивный элемент (определяющий тип правовой нормы), а норма международного договора – элемент рациональный, то, как быть со всем этим, если отсылочная (коллизионная) норма сама содержится в международном договоре?

Для дальнейшего комментария к основному тезису выдвинутой концепции приведем в качестве «наглядного пособия» коллизионную норму, закрепленную в п. 1 ст. 1221 ГК РФ. Она устанавливает, что к «требованию о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, по выбору потерпевшего применяется:

- 1) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда;
- 2) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший;

3) право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар.

Как видим, на урегулирование соответствующих отношений здесь сразу претендует, как минимум, нормы шести правовых систем и выбор между ними делает не закон, не суд, а потерпевший, т. е. индивид, причем по своему усмотрению и без объяснения причин своего выбора. Это как-то плохо сочетается с декларированным императивным характером национального элемента. Кроме того, получается, что «новая» норма права создается... физическими лицами.

Как быть, если норма международного договора, к которой отсылает отсылочная (коллизонная) норма отечественного права, сама является таковой, да еще и носит диспозитивный характера?

И главное. Означает ли подобное соединение элементов то, что норма международного (или иностранного) права исключается из правового регулирования данных общественных отношений и что такое регулирование осуществляется исключительно нормами национального права? Нет, не означает. Именно международно-правовая норма в соответствующих случаях наделяет индивидов (субъектов регулируемого отношения) теми или иными правами и обязанностями. Следовательно, никакого решения теоретической проблемы здесь просто нет.

Концепцию так называемых комплексных норм, имеющей много сходства с теорией «сложносистемного» состава самоисполнимых норм, выдвинул Б.Л. Зимненко. Но отталкиваясь фактически от тех же позиций, он утверждает: «Норма международного права находит свое закрепление в источниках международного права, нормы внутригосударственного права закрепляются в источниках национального права, в свою очередь комплексная норма имеет формой своего существования одновременно как источники международного права, так и внутригосударственного права. Представляется, что такой симбиоз объективно не позволяет включать комплексные нормы ни в систему международного, ни в систему внутригосударственного права, однако обу-

славливает включение этих норм именно в правовую систему государства» [Зимненко, 2006, с. 184].

С критикой этой позиции выступил проф. Черниченко С.В. Он совершенно справедливо говорит о том, что «источник международного права (как и источник права вообще) не существует сам по себе. Если комплексная норма имеет своим источником одновременно международно-правовые и внутригосударственные источники, это не единая норма, а комбинация той или иной нормы международного права и той или иной нормы внутригосударственного права. Следовательно, каждая из них входит в соответствующую систему права и в соответствующую правовую систему» [Черниченко, 2009, с. 13 и далее].

Еще одной попыткой «взять вес» является теория «правоприменительного комплекса», выдвинутая Г.И. Игнатенко. Ее идея заключается в двух основных исходных тезисах:

1. Любой правоприменительный процесс регулятивной правовой нормы всегда сопровождается формированием правоприменительного комплекса норм, той или иной сложности.

Так, чтобы применить норму Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающей ответственность за конкретное правонарушение, необходимо обратиться к иным административно-правовым нормам, в частности, к нормам процедурного и процессуального порядка. Ведь необходимо определиться с тем, кто именно имеет право привлекать лицо к ответственности за данное правонарушение, каковы его полномочия, каков порядок проведения тех или иных процессуальных действий и принятия соответствующего правоприменительного акта, какие смягчающие и/или отягчающие обстоятельства, влияющих на меру наказания, могут быть учтены при вынесении постановления и др.

В результате формируется правоприменительный комплекс.

В тех случаях, когда происходит непосредственное применение международно-правовых норм (или норм иностранного

права), регулирующих отношения с участием индивидов, то и они также никогда не применяются «в одиночестве». Здесь тоже каждый раз создается соответствующий правоприменительный комплекс. При этом (по мнению Г.В. Игнатенко) положения международно-правовых норм как бы опосредуются нормами национального права, которые дополняют отдельные вопросы регулирования таких отношений, определяют компетенцию судьи или иных соответствующих должностных лиц, устанавливают процедурно-процессуальные правоприменительные правила и т. п.

2. В соответствующих случаях нормы права, принадлежащие к различным правовым системам, взаимодействуют в рамках не статических нормативных комплексов (по мнению Г.В. Игнатенко, это – полисистемный комплекс, под которым подразумевалось МЧП), а исключительно в пределах правоприменительного комплекса, создаваемого на короткий период и только в процессе регулирования конкретного общественного отношения. Сами же правоприменительные комплексы следует признать «искусственными», т. е. их существование (в статическом состоянии).

Применение любой нормы права влечет за собой формирование правоприменительного комплекса той или иной сложности, «причем в целях решения конкретной задачи, урегулирования конкретного правоотношения». Но каким бы крупным (и по составу и по содержанию) такой правоприменительный комплекс не был, норма права, ради применения которой этот самый комплекс и формируется, не растворяется в нем. Она опосредуется не в том смысле, что она исключается из правового регулирования данных общественных отношений. Именно она, а не иные нормы и не «правоприменительный комплекс», непосредственно наделяет субъектов регулируемого отношения соответствующими правами и обязанностями. И при этом не имеет значения, является ли эта норма нормой отечественного, иностранного или международного права.

Кроме того, формирование правоприменительного комплекса при применении лю-

бой нормы, скажем (как в нашем примере) административного права, вовсе не означает отрицания существования соответствующей совокупности норм в их «статическом» состоянии, т. е. не означает отрицания существования самого административного права как отрасли права. Эта ситуация справедлива и по отношению применения норм любых иных отраслей. Не прекращают своего «статического» существования отрасли права и в том случае, если правоприменительный комплекс был сформирован с привлечением норм нескольких отраслей права или даже «разносистемных норм».

Если мы признаем в условиях применения норм права существование «статических» образований в виде отраслей (институтов) права, то непонятно почему в схожей ситуации мы должны отказать в существовании «статических» полисистемных комплексов (или межсистемных образований), формирование которых обусловлено существованием этих самых отраслей и институтов? А ведь все аргументы *pro et contra* здесь могут быть только одни и те же.

Если «разносистемные нормы» могут сосуществовать в составе правоприменительного комплекса, то почему в этом им отказывается, когда речь идет о «межсистемных отраслях» или «межсистемных институтах»? Тем более, что в рамках подобных полисистемных (межсистемных) комплексов хотя и взаимодействуют нормы разных правовых систем, но при этом они регулируют однородные общественные отношения (гражданско-правовые, трудовые, семейные, административные и т. д.). Думается, что если бы речь шла о соответствующем санкционированном применении только норм иностранного права, никакой бы теории «правоприменительного комплекса», как противовеса существованию межсистемных образований, просто не возникло.

Таким образом, и здесь мы имеем дело с еще одной, к сожалению неудачной, попыткой решить обозначенную проблему общей теории международного права.

Сторонники теории трансформации, в спорах со своими оппонентами, часто задают (с торжествующим видом), как им ка-

жется, очень коварные вопросы. Так, нормы международного права, предусматривающие, например, право на жизнь или право на неприкосновенность жилища, адресованы государствам или физическим лицам? Или и тем и тем? Если они остаются нормами международного права, не трансформируются, может ли их нарушение в рамках национального правопорядка влечь международную ответственность? Какие обязанности несут государства по реализации данной нормы? Если эти обязанности состоят в ее закреплении на уровне законодательства, то она закрепляется как норма, порождающая международное обязательство, или как норма, адресованная индивидам? Их кажущаяся каверзность заключается в том, что, казалось бы, речь идет о регулировании отношений с участием индивидов, и формулировки того или иного Международного Пакта «могут породить иллюзию о непосредственном применении его положений для регулирования внутригосударственных отношений» [Черниченко, 1999, с. 151-152]. Но этого не происходит. Кроме того, эти отношения регулируются «в рамках национального правопорядка», следовательно, и ответственность за нарушение прав человека должна наступать именно в этих рамках. Но она наступает и на международном уровне. Это потому, считают сторонники трансформации, что одновременно существует две разные нормы. Одна – содержится в международном праве, а вторая (трансформированная) – в праве национальном.

Сначала давайте разберемся с тем, кому же адресованы, например, нормы Международного Пакта 1966 г. «О гражданских и политических правах», закрепляющие указанные в вопросе права человека. Дело в том, что постоянно приходится сталкиваться с совершенно неверными представлениями об этом.

Прежде всего, напомним соответствующие формулировки этого Пакта. В его п. 1 ст. 6 говорится: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может

быть произвольно лишен жизни». А в его п. 1 ст. 17 закреплено, что «Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию»¹.

Зададимся вопросами: нарушает ли убийца право человека на жизнь? Нарушает ли вор – домушник во время проникновения в чужую квартиру право человека на неприкосновенность жилища?

Несмотря на бытующие представления, на эти вопросы следует ответить *отрицательно*: нет, не нарушают. Здесь допустимо вести речь о совершении преступлений, но нарушения прав человека в этом случае не происходит. Нарушить права человека может *только государство* (в лице своих органов и должностных лиц). Не случайно ответчиком в Европейском суде по правам человека всегда выступает именно государство. Так, сотрудники полиции, проникающие без согласия собственников в квартиру, где не соблюдаются административные правила о соблюдении тишины после 23 часов, нарушают их права на неприкосновенность жилища и должны понести за это суровое, но заслуженное наказание, ибо они – представители власти. Проникновение в квартиру представителей государства, возможно только в случаях прямо предусмотренных законом, или на основании судебного решения.

Таким образом, нормы Пактов о правах человека адресованы самим государствам.

Затем следует разочаровать некоторых представителей теории трансформации. Во-первых, речь не идет о самоисполнимых международно-правовых нормах. Во-вторых, права человека в абсолютном большинстве государств рассматриваются как часть конституционного права. Отсюда нормы Международных Пактов 1966 г. о правах человека не имеют в государствах прямого действия, и Россия здесь не исключение. В порядке имплементации соответ-

¹ Текст Международного Пакта «О гражданских и политических правах» см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1994. - N 12.

ствующих международно-правовых норм, в ее Конституции закреплено, что «Каждый имеет право на жизнь» (в п. 1 ст. 20), и что «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» (ст. 25)². Поэтому мы действительно имеем дело с двумя разными нормами (что видно уже из их содержания): международно-правовыми нормами Пакта и национальными конституционными нормами. Отсюда и международная ответственность государства (а иногда и его должностных лиц) наступает за нарушение соответствующих международно-правовых норм, а ответственность «в рамках национального правопорядка» – за нарушение юридически самостоятельных норм национального права.

Концепции признания отношений с участие индивидов, непосредственно регулируемых международно-правовыми нормами, международными правоотношениями.

Сторонников этих концепций объединяет единый подход к определению характера регулируемого правом общественного отношения. По их мнению, это очень просто: характер регулируемого отношения напрямую зависит от характеристики (источника) регулирующей нормы. Например, если данные отношения урегулированы нормами ГК РФ, то это гражданско-правовые отношения, а если нормами КоАП РФ – административно-правовые и т. д.

Отсюда следует логический вывод: если отношения регулируются нормами национального права – это внутригосударственные отношения, ну а если нормами международного права, то это – международные (межгосударственные) отношения. Таким образом, общественные отношения с участием индивидов, урегулированные, например, нормами международных договоров, автоматически трансформируются, «превращаются в межгосударственные» [Бахин, 2015, с. 99].

Утверждать зависимость характера регулируемого отношения от природы ис-

точника регулирующей нормы – значит поставить телегу впереди лошади. Характер регулируемого отношения определяется не природой источника права, в котором содержится норма, регулирующая данное общественное отношение. Он определяется предметом и методом его правового регулирования.

В основе деления национального права на отрасли также лежат вовсе не источники права, а предмет и метод правового регулирования общественных отношений. И уже к числу самих источников отраслей права относят только те из них, которые содержат нормы, регулирующие соответствующие отношения, а никак не наоборот. Появление, скажем, в ГК РФ нормы права, устанавливающей юридическое неравенство субъектов или властные полномочия одного субъекта по отношению к другому, – нонсенс в праве. Но если бы такое оказалось возможным, то вне зависимости от того, что эта норма оказалась в Гражданском кодексе, регулируемые ею отношения все равно не могли бы рассматриваться как гражданско-правовые отношения. Таким образом, само формирование источников права по отраслям права происходит по признаку характера регулируемых отношений, а не наоборот.

В странах континентальной системы права источники кодифицированы по отраслям правового регулирования, четко разграничивается национальное и международное право. Но в странах англосаксонской системы права нет такого четкого деления права на отрасли, а само право, в основном, не кодифицировано. В них все применяемые нормы права, в том числе самоисполнимые нормы международного права (если их существование допускается), в принципе представляет собой единое правовое поле, а основным источником внутригосударственного права является судебный прецедент. Как определить характер регулируемого отношения в этих странах, если исходить при этом из природы источника права?

Подойдем к этой проблеме (как в математике) «от противного». Если исходить из того, что источник права определяет ка-

² Текст Конституции Российской Федерации см.: СЗ РФ. 04.08.2014, - N 31, - ст. 4398.

кое это правоотношение, а, следовательно, и кто является субъектом права, то в силу того, что существуют только международное право и национальное право отдельных государств, могут существовать только международные и внутригосударственные отношения. Но ведь есть еще трансграничные отношения. Получается, что их в природе просто не существует, ибо, при таком подходе, каждое из них может быть либо внутригосударственным правоотношением того государства, национальное право которого его регулирует, либо международным межгосударственным отношением (если речь идет о регулировании отношения самоисполнимой международно-правовой нормой). Следует признать, что поскольку такие выводы противоречат реальной действительности, то и сами подобные концептуальные подходы не верны.

Концепции международной правосубъектности индивидов.

Позиции сторонников этого подхода основываются на том, что если нормы международного права непосредственно наделяют индивидов, как субъектов регулируемого ими отношения, правами и обязанностями, то это автоматически трансформирует их в субъектов международного права. Приведем здесь мнение некоторых из них. Так, по мнению А. Фердросса «субъектами международного права являются лица, поведение которых регулируется непосредственно международным правопорядком» [Фердросс, 1959, с. 113]. Р. Мюллерсон считает, что «вполне возможно определить как субъекта международного права любое лицо или образование, обладающее правами и обязанностями, возникающими из норм международного права» [Mullerson, 1990, р. 35]. С ним солидарен проф. Ушаков Н.А., по мнению которого «субъекты международного права – это стороны, лица,

наделенные юридическими правами и юридическими обязанностями в общественных отношениях, урегулированных международным правом» [Курс международного права, 1989, с. 160]. И даже один из самых известных противников теории международной правосубъектности индивидов проф. Черниченко С.В. считает, что если бы международное право прямо регулировало отношения с участием индивидов, то они в таких случаях становились бы субъектами международного права [Черниченко, 2015, с. 89].

При этом одни авторы, в рамках отстаиваемых теорий признают за индивидами международную правосубъектность вообще без каких-либо оговорок³. Другие, учитывая, что индивиды не могут заключать международные договоры, говорят об их «специфической международной правосубъектности»⁴, «временной международной правосубъектности на период своего участия в конкретном международном правоотношении» [Кудряшов, 2000, № 8], «ограниченной международной правосубъектности»⁵, «специальной правосубъектности» [Вельяминов, 1986, с. 85]⁶. Иногда они используют применительно к ним такие понятия, как нетрадиционные, неосновные, нетипичные, вторичные, несуверенные, правоприменяющие субъекты международного права [Гетьман-Павлова, 2013, с. 100; Международное право, 2014, с. 160] или говорят о субъектах-«дестинаторах» международно-правовых норм [Мюллерсон, 1978, с. 125–139]⁷.

Им обоснованно возражают, что субъекты международного права должны обладать определенными качествами: они не находятся под чьей-либо юрисдикцией, обладают способностью к участию в международных (межгосударственных) отношениях, способны заключать между-

³ См., напр.: Международное публичное право: учебник / ред. К.А. Бекяшев. – М.: Проспект, 1998. – С. 114; и др.

⁴ См., напр.: Международное право: учебник для вузов / ред.: Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: НОРМА, 2001. – С. 84.

⁵ См.: Общая теория прав человека / ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 1996. – С. 493.

⁶ См. также: Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. – М., 2003. – С. 94.

⁷ Дестинаторы норм международного права (по Р.А. Мюллерсону) – лица или образования, которым нормы международного права непосредственно адресуются, но которые не могут участвовать ни в процессе создания норм международного права, ни в обеспечении их соблюдения.

народные договоры, могут выступать не только создателями и исполнителями, но и гарантами международно-правовых норм и т.д., которых нет у индивидов. Физические и юридические лица не могут заключать международных договоров. Их удел – международные контракты. Они не могут быть и гарантами норм международных договоров, иметь полномочия по обеспечению исполнения норм международного права. Они вправе обратиться за восстановлением своих нарушенных прав в международные органы, но обеспечительные меры и меры воздействия на государства оказывают не они и др. Это не убеждает. На свет появляются все новые и новые теории о существовании правообразующих и не правообразующих, традиционных и не традиционных субъектов международного права, наличия у индивидов «специфической» международной правосубъектности, различные «бенефициарные» теории и т. п.

Если говорить о международном праве, то его субъектами становятся не потому, что данные конкретные отношения урегулированы нормами того или иного источника международного права, а потому что регулируемое отношение является международным межгосударственным отношением межвластного характера. О том, как определяется характер правоотношения, мы уже говорили. Вступать в эти отношения могут только субъекты международного права.

На самом деле правосубъектность напрямую зависит не от источника регулирующей нормы, а от характера регулируемых общественных отношений, и уже «в зависимости от того, какие общественные отношения регулируют нормы права, решается и вопрос, чья деятельность должна быть урегулирована, кто является субъектом права» [Абдуллаев, Комаров, 2003, с. 380-381].

Часто непосредственное наделение индивидов правами и обязанностями приписывается международно-правовым нормам. Так, физические лица действительно могут обратиться в международные, в том числе судебные, органы по защите своих прав и свобод. Но сами такие договоры непосредственно не предоставляют индивидам каких-либо прав, как, в прочем, не налагают на них и каких-либо обязанностей. Право обращаться с жалобами в международные органы по защите прав и свобод предоставлено индивидам не международными договорами, а государствами во исполнение ими принятых на себя по договору обязательств.

В то же время нельзя отрицать того, что в тех странах, где допускается применение самоисполнимых международно-правовых норм, в частности, в России, эти нормы непосредственно наделяют индивидов, как субъектов регулируемых отношений, правами и обязанностями [Craig, p. 199-213.]⁸.

Поскольку сама способность международно-правовых норм к такому регулированию не вызывает сомнений, для понимания вопросов правосубъектности в сложившейся ситуации важно определиться с тем, какое же место занимают такие самоисполнимые нормы, скажем, в международных договорах, а, следовательно, и в международном праве. Никто из сторонников, да и противников теорий трансформации этим вопросом как-то не задавался.

Возьмем для примера известную Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Конвенцию), направленную на урегулирование, прежде всего, трансграничных отношений между индивидами⁹. Цель Конвенции – установление единообразных правил по договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах.

⁸ Причем указаний на саму такую возможность в национальном законодательстве различных государств становится все больше. Мало того, на такую возможность все чаще указывают и многочисленные международные акты. Так, Суд ЕС неоднократно указывал на то, что для того, чтобы норма права ЕС имела прямое действие, она должна быть юридически действительной с точки зрения соответствующей национальной правовой системы и регулировать права частных лиц.

⁹ Текст Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. см.: Вестник ВАС РФ. 1994. N 1.

Россия - участник Конвенции. Нормы этой Конвенции имеют самоисполнимый характер и непосредственно применяются, если не сделано специальной оговорки, к отношениям продавца и покупателя по сделке из стран-участниц.

Статья 30 этой Конвенции устанавливает, что «Продавец обязан поставить товар, передать относящиеся к нему документы и передать право собственности на товар в соответствии с требованиями договора и настоящей Конвенции». Несет ли Россия ответственность перед другими государствами-участниками этой Конвенции за невыполнение продавцом этих своих обязательств, при условии, что он является гражданином Российской Федерации или юридическим лицом, личным законом которого является право нашего государства? Должна ли Российская Федерация компенсировать убытки, причиненные другой стороне договора купли-продажи, в случае недобросовестного исполнения таким продавцом своих обязательств? Должен ли такой продавец нести суровое, но заслуженное наказание перед нашим государством за нарушение подобных норм Конвенции? Как «нет», если речь идет о международном договоре, участником которого является и Россия? Тем более, что, по мысли сторонников критикуемых конвенций, если какая-то норма нашла свое закрепление в международном договоре, то она уже автоматически трансформирует все регулируемые отношения в межгосударственные отношения, а субъектов регулируемых отношений - в субъектов международного права.

Понятно, что между нормами этой Конвенции, регулирующими отношения между заключившими договор государствами и нормами, направленными на урегулирование трансграничных (т. е. не межгосударственных отношений), несмотря на то, что и те и другие являются нормами одного и того же международного договора, есть какое-то принципиальное отличие. Что же представляет собой комплекс норм, по поводу которого государства договариваются между собой, берут взаимные обязательства, но положения которых, буду-

чи зафиксированными в международном договоре, непосредственно не направлены на урегулирование отношений между государствами-участниками, более того, не могут быть даже самостоятельной основой для их возникновения?

Попробуем с этим разобраться. Чем характеризуется этот комплекс норм?

Во-первых, эти нормы содержат максимально точное определение того, по поводу чего государства принимают на себя определенные обязательства. Во-вторых, в силу совершенно иной направленности эта группа норм не закрепляет прав и обязанностей самих участников договора, т. е. сами по себе эти нормы на государства-участники никаких прав и обязанностей не налагают. В-третьих, права и обязанности сторон международного договора определяются по поводу и в связи с этими положениями, но совсем иными нормами того же самого договора. В-четвертых, тем не менее, все эти нормы являются международно-правовыми нормами.

Отсюда, нетрудно сделать вывод о том, что самоисполнимые нормы международного договора составляют не что иное, как *объект* этого договора.

Что же представляет собой *объект* международного договора, а заодно его цель и предмет?

Не вдаваясь в научные дискуссии по не принципиальным для нашего исследования вопросам, отметим, что представляется наиболее верной точка зрения, согласно которой «объектом международного договора является все то, по поводу чего государства заключают договор, т. е. вступают в договорные отношения. В качестве объекта могут выступать материальные и нематериальные блага, действия и воздержание от определенных действий. Международное право не содержит каких-либо ограничения относительно выбора его субъектами объекта международных договоров.

Целью договора является то, что субъекты международного права стремятся осуществить или достигнуть путем заключения договора.

Объект определяется в названии, либо в контексте договора, а цель – в преамбуле

либо в первых статьях договора» [Международное право, 2012, с. 298-299].

Следует согласиться с проф. Левиным Д.Б. в том, что блага, применительно к объекту международного договора, «могут касаться как непосредственно интересов самого государства, так и граждан, лиц, проживающих на его территории, государственных, общественных и частных учреждений» [Левин, 1974, с. 60-61].

Предметом правового регулирования международного договора являются те общественные отношения, которые складываются между субъектами данного договора по поводу и в связи с его объектом. Именно в ходе урегулирования этих отношений и происходит наделение государств-участников правами или наложение на них соответствующих международно-правовых обязанностей. Только несоблюдение именно этих прав и обязанностей может повлечь международно-правовую ответственность для участвующих в договоре субъектов международного права¹⁰.

Отсюда следует, что нормы международного договора, направленные на урегулирование не межгосударственных отношений представляют собой *объект* этого договора, а нормы, направленные на регулирование отношений участников договора по поводу его объекта, непосредственно наделяющие субъектов межгосударственных отношений правами и обязанностями по поводу и в связи с его объектом, являются *предметом* международно-правового регулирования.

В то же время в объект международного договора не могут входить те его нормы, что направлены на регулирование *предмета* международного договора, т. е. отношений участников данного договора, возникающие по поводу и в связи с его объектом.

Например, объектом Конвенции о защите озонового слоя 1985 г. является именно озоновый слой, ее целью является его защита. Регулирование межгосударственных отношений по поводу озонового слоя составляют предмет этой Конвенции. Или объектом, скажем, Международных Пактов о правах человека 1966 г. являются права человека, их определение и содержание. Целью Пактов является установление всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод, их обеспечения со стороны государства. Общие обязательства государств в отношении объектов указаны в статье 2 каждого из Пактов, которые в дальнейшем в тексте Пактов конкретизированы применительно к тем или иным правам или свободам. Объектом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. является единый комплекс выработанных и согласованных государствами норм, направленных на урегулирование трансграничных отношений, связанных с договорами купли-продажи товаров, заключенных между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. Ее цель – установление единообразных правил по частноправовым внешнеэкономическим сделкам (договорам). Регулирование межгосударственных отношений, складывающихся по поводу реализации (в том числе применения судами) этого комплекса норм в пределах юрисдикции каждого из государств-участников представляет собой предмет Конвенции.

Могут ли нормы, закрепляющие объект договора представлять собой нормы, направленные на урегулирование общественных отношений? Да, могут. Вот только эти отношения не являются международными межгосударственными отношениями¹¹. За-

¹⁰ Хотя истории известны примеры такой ответственности у третьих государств.

¹¹ Нечто похожее существует в национальном праве, где объект правонарушения представляет собой урегулированные правом общественные отношения. При этом эти отношения могут быть урегулированы нормами совершенно иных отраслей права. Так, в соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Вор, совершая кражу, посягает на эти установленные законом положения права собственности. Несмотря на то, что общественные отношения собственности урегулированы гражданским правом, именно они будут объектом соответствующего совершаемого административного проступка или уголовного преступления. И, конечно же, при этом эти отношения не становятся уголовно-правовыми или административно-правовыми отношениями.

бегая вперед, отметим, что все эти отношения являются трансграничными отношениями и потому речь здесь следует вести не о международной, а о трансграничной правосубъектности.

Теории о том, что МЧП не имеет собственного содержания, а представляет собой только учебно-методический и/или научный термин.

Сторонники такого подхода (В.В. Гаврилов, П.Н. Бирюков, Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова и др.) ставят под сомнение само существование МЧП и других подобных образований.

Все дело в том, что каждое межсистемное образование (в том числе и МЧП) регулирует тот или иной вид именно трансграничных отношений и состоит из правовых норм разных правовых систем. Эта группа авторов считает, что любое объединение таких норм является либо невозможным, либо искусственным. Так, по мнению В.В. Гаврилова, МЧП является неким искусственным образованием, «которое нельзя рассматривать ни как часть международного, ни как часть внутригосударственного права. Не образует оно и собственной системы права, так как само состоит из норм этих правовых систем» [Гаврилов, 1997, с. 13-14].

В то же время, сторонники этой концепции признают, что термин «международное частное право» используется (в том числе в международных документах), для обозначения совокупности норм международного и национального права, регулирующих отношения, в которых «участвуют, помимо государств и международных организаций, юридические и физические лица» [Международное право, 2016, с. 23].

С этой позицией автор не может согласиться по следующим основаниям:

1. В ходе формирования межсистемных образований происходит объединение не разных видов социальных норм, а норм одного их вида - норм права. Поэтому для их объединения нет, и не может быть, непреодолимых препятствий.

2. У каждого межсистемного образования есть свой предмет и методы правового регулирования, которые для соответствующих составляющих, состоящих из норм

разных правовых систем, являются идентичными.

3. Для регулирования трансграничных отношений часто применяются нормы иностранного права. При этом в разработке таких норм, в отличие от самоисполнимых норм международных договоров, применяющее их государство не принимает ни прямого, ни косвенного участия. Более того, эти нормы часто содержатся в источниках права, которые могут не признаваться в качестве источников права в данном государстве (например, для России это судебный прецедент, доктрина и др.). Не случайно по поводу самой возможности применения норм иностранного права в качестве норм, непосредственно регулирующих общественные отношения в другом государстве, в течение длительного периода (в рамках науки МЧП) шла ожесточенная дискуссия, которая стала затухать и постепенно сошла на-нет с появлением самоисполнимых международно-правовых норм. В этих условиях трудно признавать возможность объединения норм национального права данного государства и норм иностранного права для регулирования конкретного вида трансграничных отношений и отказывать в возможности такого объединения этой группы норм с соответствующими нормами международного права.

Искусственное разграничение национальных и «иностраных» норм права, направленных на регулирование одних и тех же трансграничных общественных отношений, приводит только к возникновению многочисленных проблем в теории и в правоприменительной практике.

4. То, что в ряде государств (в результате проявления их суверенной воли) к непосредственному регулированию трансграничных отношений допущены международно-правовые нормы, т. е. нормы правовой системы иного типа, не делает формирование межсистемных образований невозможным. В международном праве у этих норм совсем иное предназначение. Их цель – формирование единого подхода государств к регулированию не межгосударственных, а именно трансграничных отношений. В силу этого они и выступают в международ-

ном праве в качестве объекта правового регулирования, а не его предмета.

5. Для обозначения любой отрасли российского права применяется конкретный термин (гражданское право, уголовное право, административное право и т. д.). Он же применяется для обозначения совокупности правовых норм, которые находятся в тесном взаимодействии и регулируют при помощи специфических методов особую группу относительно обособленных общественных отношений. При этом никто не отрицает существования такой совокупности только на основании того, что эти нормы содержатся в разных по своему виду источниках права (нормативно-правовых актах, нормативных договорах, правовых обычаях и др.). Термин «международное частное право» так же предназначен для определения конкретного межсистемного образования и обозначения определенной совокупности правовых норм, принимающих участие в регулировании данного вида общественных отношений.

6. И, наконец, главное. Конечно же, любая теоретическая концепция обладает долей условности. Так в странах романо-германской правовой семьи единое право делится на отрасли и институты.

В то же время в рамках англосаксонской правовой семьи систематизация права не предполагает четкого деления права на отрасли и институты. Их существование в странах общего права рассматривается именно в качестве неких искусственных образований, исключительно учебно-методических и научных терминов, т. е. с позиций, очень близких В. В. Гаврилову и др.

В то же время в них существует деление права на публичное и частное (отсюда все-таки признается существование международного частного права). Но, скажем, трудовое право не выделяется как отрасль, хотя именно ему, тем не менее, посвящены объемные учебники, в которых оно рассматривается именно как учебная дисциплина. Мало того, в них используется сам термин «трудовое право», но именно как термин (или область изучения), а не как совокупность правовых норм, образующих отрасль права [Collins, Ewing, 2005; Selwyn, 2006; Atleson, Compa, 2008; Rothstein, Craver, 2005].

Любая теоретическая концепция должна обязательно обладать таким качеством как последовательность. Если под сомнение не ставится система российского права, признается существование в ней институтов и отраслей права, межотраслевых образований и деление права на публичное и частное, то необходимо признавать и существование межсистемных образований. Дело в том, что *базовой основой формирования последних всегда служат именно крупные структурные элементы национального права, а значит и те и другие исходят из одних и тех же теоретических подходов к своей конкретизации, выделению и существованию.*

Таким образом, несмотря на то, что в рамках отдельных теорий пересмотру (да еще в разных плоскостях) были подвергнуты условия почти всех указанных выше неправных тезисов, разрешить обозначенную проблему теории международного права так и не удалось.

Литература

1. Абдуллаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права: учебник. – СПб.: Питер, 2003. – С. 380-381.
2. Бахин С. В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы. // Современное международное право: теория и практика. – М.: Оригинал Макет. 2015.
3. Гаврилов В. В. Международное частное право: Учебное пособие. Владивосток, 1997.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное право: учеб. для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2013.
5. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. - М. 2006.
6. Кудряшов С. М. Новые тенденции развития права международной правосубъектности // Право и политика. – 2000. – № 8.

7. Курс международного права. В 7 т., Т. 1. - М., 1989.
8. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. - М.: Наука, 1974.
9. Лукашук И. И. Соотношение внутригосударственного и международного права в свете новой Конституции СССР // Вестник Киев. ун-та. Серия «Междунар. отношения и междунар. право». - Киев, 1979. - Вып. 8.
10. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3.
11. Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. - М., 2007.
12. Международное право: учебник для бакалавров / под ред. А. Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2012.
13. Международное право : учеб. для бакалавров / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2014.
14. Международное право: учебник для академического бакалавриата. 3-е издание. / под ред. А. Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2016. Том. 1.
15. Мюллерсон Р. А. Национально-правовая имплементация международных договоров // Сов. ежегодник междунар. права. 1978. - М.: Наука, 1980. - С. 125-139.
16. Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. - М.: Волтерс Клувер. 2009.
17. Фердросс А. Международное право. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
18. Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем // Правоведение. - 2009.
19. Черниченко С. В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы. - М.: НИМП, 1999. - С. 151-152.
20. Черниченко С. В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов // Евразийский юридический журнал. - 2015. - №5.
21. Atleson J., Compa L. et al. International labor law: cases and materials on workers' rights in the global economy. Thomson-West, 2008.
22. Batiffol H., Lagarde P. Droit international prive. Paris, 1993. Т. 1. 8 tdition. P. 206, 529-530.
23. Denza E. The relationship between international and national law // International Law . Edited by Malcolm D. Evans. Second edition. 2006. P. 429-435.
24. Cassese A. International Law. Seond edition. 2005. P. 224-237.
25. Craig, P. EU Law: Text, Casesand Materials / P. Craig . 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.
26. Collins, H., Ewing, K.D., McColgan, A. Labour Law. Text and Materials. 2nd Ed. Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2005.
27. Mullerson R. A. Human Rights and Individual as Subject of International Law: A Soviet View // EJIL. 1990. № 1.
28. Rothstein M.A., Craver C.B, Schroeder E.P., Shoben E.W. Employment Law. 3d Ed. Thomson West, 2005.
29. Selwyn N. Selwyn's Law of Employment. 14th Ed. Oxford University Press, 2006.
30. Verhoeven J. Droit international public. Larcier. 2000. P. 453-484;
31. Verma S.K. An Introduction to Public International Law. PHI Learning Pvt. Ltd. 2004. P 54-68.

Does International Law Regulate Relations with Participation of Individuals? (Part I)

*Boris I. Nefedov**

Abstract: The occurrence and the futility of the scientific debate on the most debated in the scientific literature of the fundamental problems of the General theory of international law related to same – lack of resolution of complex theoretical problems, which can be called the main problem of the theory of international law over the past century and a half. It is based on seemingly irreconcilable differences.

* Boris I. Nefedov – Doctor of laws, Professor of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. boris-nefedov@mail.ru

So, on the one hand, international legal norms can (under certain conditions) regulate relations with participation of individuals but, on the other hand, individuals are subjects of international law and relations involving them are not international intergovernmental relations, i.e. subject to international law. In the first part the article provides a criticism of the main directions taken in science attempts to solve this problem: theories of transformation; concepts recognition relationships with participation of individuals regulated by norms of international law, international relations; concepts of international legal personality of individuals; claims that Private international law does not have its own content, and represents only teaching and/or scientific term. In the result it is concluded that none of these concepts does not solve the basic problem of the General theory of international law. In the second part of the article offers the solution.

Keywords: theory of transformation; the international personality of individuals in international relations; subject and object of an international Treaty.

References

1. Abdullaev M. I., Komarov S. A. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik [The Problems of the Theory of State and Law: a textbook]. – SPb.: Piter, 2003. – S. 380-381.
2. Bahin S. V. Mezhdunarodnoe i nacional'noe pravo: sootnoshenie pravovoj prirody. / Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: teoriya i praktika. [International and national law: the ratio of the legal nature. / Contemporary international law: theory and practice]. – M.: Original Maket. 2015.
3. Gavrilov V. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnoe posobie [Private international law]. Vladivostok, 1997.
4. Get'man-Pavlova I. V. Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. dlja bakalavrov [International Law: a textbook for bachelor students] 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Jurajt, 2013.
5. Zimnenko B. L. Mezhdunarodnoe pravo i pravovaja sistema Rossijskoj Federacii [International law and the legal system of the Russian Federation] – M. 2006.
6. Kudrjashov S. M. Novye tendencii razvitiya prava mezhdunarodnoj pravosub#ektnosti [New Trends in the International Law of Legal Personality] // Pravo i politika. – 2000. – № 8.
7. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t., T. 1. [Course in international law. In 7 volumes. Volume 1] – M., 1989.
8. Levin D. B. Aktual'nye problemy teorii mezhdunarodnogo prava [Actual problems of the theory of international law] – M.: Nauka, 1974.
9. Lukashuk I. I. Sootnoshenie vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava v svete novoj Konstitucii SSSR [The ratio of domestic and international law in the light of the new Constitution of the USSR] // Vestnik Kiev. unta. Seriya «Mezhdunar. otnoshenija i mezhdunar. pravo». – Kiev, 1979. – Vyp. 8.
10. Lukashuk I.I. Vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v uslovijah globalizacii [Globalization and the Relationship between International and National Law] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2002. – № 3.
11. Mezhdunarodnoe pravo [International law] / pod red. A. A. Kovaleva, S. V. Chernichenko. – M., 2007.
12. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja bakalavrov [International law: textbook for bachelors] / pod red. A. N. Vylegzhanina. – M.: Jurajt, 2012.
13. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja bakalavrov [International law: textbook for bachelors] / pod red. A.Ya. Kapustina. 2nd edition. – M.: Urait, 2014.
14. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [International law: textbook for bachelors]. 3-e izdaniye / pod. Red. A.N. Vylegzhaninанина. – M.: Urait, 2016. Tom. 1.
15. Mullerson R. A. Nacional'no-pravovaja implementacija mezhdunarodnyh dogovorov [National Legal Implementation of International Agreements] // Sov. ezhegodnik mezhdunar. prava. 1978. – M.: Nauka, 1980. – S. 125–139.
16. Tolstyh V. L. Kurs mezhdunarodnogo prava: uchebnik [Course in international law: a textbook] – M.: Volters Kluver. 2009.
17. Ferdross A. Mezhdunarodnoe pravo [International law] – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959.
18. Chernichenko S. V. Vopros o sootnoshenii mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava kak pravovyh sistem [The question of the relationship between international and domestic law as legal system] // Pravovedenie. - 2009. - № 1.
19. Chernichenko S. V. Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. V 2-h tomah. Tom 1: Sovremennye teoreticheskie problemy. – M.: NIMP, 1999. – S. 151-152.

20. Chernichenko S. V. Neskonchaemaja diskussija o mezhdunarodnoj pravosub#ektnosti individov [The endless debate about the international legal personality of individuals] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2015. – № 5.
21. Atleson J., Compa L. et al. International labor law: cases and materials on workers' rights in the global economy. Thomson-West, 2008.
22. Batiffol H., Lagarde P. Droit international prive. Paris, 1993. T. 1. 8 tdition. P. 206, 529-530.
23. Denza E. The relationaship between internftional and national law // International Law . Edited by Malcolm D. Evans. Second edition. 2006. P. 429-435.
24. Cassese A. International Law. Seond edition. 2005. P. 224-237.
25. Craig, P. EU Law: Text, Casesand Materials / P. Craig . 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.
26. Collins, H., Ewing, K.D., McColgan, A. Labour Law. Text and Materials. 2nd Ed. Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2005.
27. Mullerson R. A. Human Rights and Individual as Subject of International Law: A Soviet View // EJIL. 1990. № 1.
28. Rothstein M.A., Craver C.B, Schroeder E.P., Shoben E.W. Employment Law. 3d Ed. Thomson West, 2005.
29. Selwyn N. Selwyn's Law of Employment. 14th Ed. Oxford University Press, 2006.
30. Verhoeven J. Droit international public. Larcier. 2000. P. 453-484.
31. Verma S.K. An Introduction to Public International Law. PHI Learning Pvt. Ltd. 2004. P 54-68.